РОСТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
(РИНХ)

Юридический вестник
Ростовского государственного экономического университета

№ 1 (117)

Ростов-на-Дону
2026

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Позднышов Алексей Николаевич *– д. ю. н., профессор, Почетный сотрудник МВД России, главный редактор;*

Орлова Наталья Евгеньевна *– к. и. н., доцент, зам. главного редактора;*

Меженская Галина Викторовна *– технический секретарь.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Баринов Эмиль Эдуардович *– к. ю. н., доцент;*
Куликова Элла Германовна *– д. филол. н., профессор;*
Науменко Анна Михайловна *– к. ю. н., доцент;*
Наухацкий Виталий Васильевич *– д. и. н., профессор;*
Непранов Руслан Григорьевич *– к. ю. н., доцент;*
Николаев Александр Викторович *– к. ю. н., доцент;*
Романенко Николай Гаврилович *– к. ю. н., профессор;*
Улезько Сергей Иванович *– д. ю. н., профессор;*
Федоренко Наталия Владимировна *– к. ю. н., д. с. н., профессор.*

EDITORIAL COUNCIL:

Pozdnyshov Alexey *– Doctor of Law, Professor, Honorary police officer of Russia, Editor-in-Chief;*

Orlova Natalya *– Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Deputy Editor-in-Chief;*

Mezhenskaya Galina *– Technical Secretary*

EDITORIAL BOARD:

Barinov Emil *– Candidate of Law Sciences, Associate Professor;*
Kulikova Ella *– Doctor of Philological Sciences, Professor;*
Naumenko Anna *– Candidate of Law Sciences, Associate Professor;*
Naukhatskiy Vitaliy *– Doctor of Historical Sciences, Professor;*
Nepranov Ruslan *– Associate Professor;*
Nikolayev Alexander *– Candidate of Law Sciences, Associate Professor;*
Romanenko Nikolay *– Candidate of Law Sciences, Professor;*
Ulezko Sergey *– Doctor of Law, Professor;*
Fedorenko Natalya *– Doctor of Sociology, Candidate of Law, Associate Professor.*

© РГЭУ (РИНХ), 2026

Научно-практический журнал
Издается с 1997 года
Периодичность – один номер в квартал
№ 1 (117), 2026 г.

Содержание

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Препелица П. П.
К вопросу о роли правосознания общества в сохранении современной российской государственности **7**

Берлявский Л. Г.
Вудро Вильсон и реализация политико-правовой программы американского прогрессизма **13**

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Маркина Е. В.
Социальная солидарность в сфере образования: равный доступ к знаниям как конституционное право в цифровую эпоху **27**

Магомедханова К. Ф.
О понятии и системе военного права **32**

Габович А. А.
Вариативность направлений работы юридических клиник как фактор формирования гражданской позиции студентов – будущих юристов (из опыта работы юридической клиники РГЭУ (РИНХ)) **37**

НАШИ АВТОРЫ **42**

Scientific journal
Published since 1997
Periodicity – one issue per quarter
№ 1 (117), 2026

Content

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Prepelitsa P.
To the question of the role
of society's legal consciousness
in the preservation
of modern Russian statehood **7**

Berlyavskiy L.
Woodrow Wilson and the implementation
of the political and legal program
of American progressivism **13**

PUBLIC LAW

Markina E.
Social solidarity in education:
Equal access to knowledge
as a constitutional right
in the digital age **27**

Magomedkhanova K.
On the concept and system
of military law **32**

Gabovich A.
Variability of directions
of work of legal clinics
as a factor of forming a civil position
of students – future lawyers
(from the experience
of the legal clinic of RSUE) **37**

OUR AUTHORS **42**

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Препелица П. П.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ПРАВОСОЗНАНИЯ ОБЩЕСТВА В СОХРАНЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация

Статья посвящена анализу правосознания как фундаментального фактора устойчивости российской государственности в условиях трансформации мироустройства. Выявлена трехуровневая модель деформации правосознания (инфантилизм, нигилизм, фетишизм), показано ее влияние на легитимность публичной власти. Предложены направления государственно-правовой политики по формированию здорового правосознания, основанного на ценностях конституционной идентичности.

Ключевые слова

Правосознание, государственность, суверенитет, идентичность, правовой нигилизм, легитимность, цифровое право, правовое воспитание, правовой менталитет.

Prepelitsa P.

TO THE QUESTION OF THE ROLE OF SOCIETY'S LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE PRESERVATION OF MODERN RUSSIAN STATEHOOD

Abstract

The article is devoted to the analysis of legal consciousness as a fundamental factor in the stability of Russian statehood in the context of the transformation of the world order. A three-level model of legal consciousness deformation (infantilism, nihilism, and fetishism) is identified, and its impact on the legitimacy of public power is shown. The article proposes directions for state and legal policy to form a healthy legal consciousness based on the values of constitutional identity.

Keywords

Legal awareness, statehood, sovereignty, identity, legal nihilism, legitimacy, digital law, legal education, legal mentality.

Вопрос о причинах жизнеспособности государства не разрешается исключительно через анализ его институционального устройства или экономической базы. История знает немало примеров, когда мощные бюрократические аппараты рушились при первом же серьезном кризисе, тогда как общества с высо-

ким уровнем внутреннего единства переживали катастрофы, восстанавливая государственность почти с нуля. Секрет здесь кроется в той неосязаемой, но реальной материи, которую Иван Александрович Ильин именовал «живым правосознанием – в духовно-практическом переживании права как собственной ценности, а не внешнего принуждения» [1, с. 53].

Актуальность темы для современной России определяется тремя факторами.

Во-первых, внешнеполитическое давление и информационные войны все чаще нацелены не на военную инфраструктуру, а именно на правовую картину мира граждан, на подрыв доверия к национальным законам и судам.

Во-вторых, внутри страны незавершенность правовой реформы и сохраняющиеся очаги бытового нигилизма создают питательную среду для правового сепаратизма — как территориального, так и социального.

В-третьих, цифровая трансформация формирует новый тип правосознания – «горизонтально-сетевой», где субъект начинает ориентироваться не на иерархию национальных норм, а на правила платформ и алгоритмическую регуляцию, что ставит под вопрос классическую монополию государства на правотворчество.

Сегодня становится очевидным, что правосознание это не пассивное «отражения» права. Авторская позиция состоит в том, что правосознание выступает несущей конструкцией государственности, замещающей дорогостоящий аппарат принуждения добровольным акцептом норм.

Попробуем обосновывать трехуровневую модель деформаций правосознания, проанализировать влияние цифровой среды, а также сформулировать конкретные аспекты государственной деятельности, направленной не на борьбу с последствиями, а на формирование здоровой правовой ткани общества.

В юридической науке сложилось несколько фундаментальных подходов к сущности правосознания. Психологическая школа Л. И. Петражицкого видела в нем первичный источник права: «императивно-атрибутивные эмоции переживаются индивидом как связующее звено между свободой и обязанностью» [2, с. 310]. Тем самым уже на уровне индивидуальной психики закладывается либо лояльность к правопорядку, либо его отторжение.

Г. Еллинек, разрабатывая учение о государстве, подчеркивал, что «суверенитет коренится не в физическом превосходстве, а в юридическом убеждении подданных в нормативной силе велений власти. Именно это убеждение, а не штыки, превращает множество людей в единый государственный союз» [3, с. 146].

Классики русского правоведения пошли еще дальше. И. А. Ильин утверждал, что писанный закон становится правом лишь тогда, когда «живое правосознание признает его справедливым, волею к цели права». Без этого любой кодекс «превращается в пустую форму, которая либо не исполняется, либо исполняется с отвращением, порождая коррупцию и правовой цинизм» [1, с. 116].

В советский период концептуальные разработки были продолжены такими учеными, как С. С. Алексеев, видевший в правосознании «непосредственную духовную основу правовой системы» [4, с. 281], и В. А. Туманов, детально описавший феномен правового нигилизма.

В. А. Туманов пишет о «пассивной» и «активной» формах правового государства, объясняя, «что для «пассивной» формы характерно безразличное отношение к праву, для «активной» же характерно осознанно враждебное отношение причины неприятия и резко-отрицательного к праву» [5, с. 47-50].

В постсоветской науке этой проблематике посвящены труды Н. И. Матузова, А. В. Малько, рассматривающих правосознание в качестве сквозного элемента механизма правового регулирования [6, с. 234], а также П. П. Баранова, В. К. Бабаева, акцентировавших необходимость системного правового воспитания [7, с. 485].

Современные исследования (А. И. Овчинников, Т. Н. Радько) все чаще обращаются к понятию «правового менталитета» как устойчивой матрицы юридического мышления народа, что для федеративного и многонационального государства вроде России приобретает особое значение [8, с. 56; 9, с. 415]. Тем не менее в большинстве работ проблема правосознания связывается скорее с эффективностью законодательства, нежели с самим фактом существования государственности. Между тем именно эта связь и требует пристального анализа.

Формирование правосознания не носит кабинетного характера; оно обусловлено совокупностью социальных, информационных и институциональных факторов.

Социально-экономический фактор. Разрыв между декларируемыми правами и реальными возможностями их реализации неизбежно порождает трещину в правосознании. Когда качественное образование, медицинская помощь или справедливый суд становятся для части граждан труднодоступными, в сознании формируется устойчивая связка «закон — для чужих, а выживание — по понятиям». Как точно отмечал В. А. Туманов «это питательная среда для правового нигилизма, который, имеет свойство восходящей экспансии: с бытового уровня он поднимается на уровень отношений с государством» [5, с. 49].

Информационно-цифровой фактор. Глобальные платформы и социальные сети создают параллельную нормативную реальность. Индивид все чаще сталкивается с ситуацией, когда блокировка аккаунта или решение модератора затрагивают его интересы быстрее и ощутимее, чем постановление суда. Это формирует так называемое «горизонтальное правосознание», при котором суверенное право государства конкурирует с частными нормами IT-корпораций. Более того, насаждение через сеть чуждых правовых концептов без их критического осмысления размывает национальную правовую идентичность. Правосознание перестает быть государствоцентричным.

Институциональный фактор. Ключевое значение имеет образ правоприменителя. Если судебная система, правоохранительные органы воспринимаются обществом как закрытая каста, работающая на статистику, а не на справедливость, то какая бы совершенная законодательная база ни создавалась, уважения к праву она не вызовет. Возникает опаснейший феномен правового идеализма (фетишизма): общество верит, что проблема решается простым написанием нового закона, а сталкиваясь с практикой, разочаровывается и скатывается в нигилизм. Так замыкается порочный круг.

Образовательный и семейный фактор. Правосознание закладывается не на лекциях в вузе, а в семье, когда ребенок впервые слышит оценку взрослыми действий власти, закона, полицейского. Если первичной установкой становится «закон — враг», компенсировать это потом школьным курсом обществознания практически невозможно.

Государство, осознающее роль правосознания для своего выживания, не может ограничиваться реактивными мерами. Требуется многоуровневая, идеологически выверенная работа, которую можно разделить на несколько магистральных направлений.

Правовое просвещение и воспитание нового типа способствуют формированию гражданской ответственности, повышению уровня правовой культуры общества и созданию условий для правового государства.

При этом необходим уход от догматического заучивания норм к ценностному обучению. Речь не о формальных уроках права, а о пронизывании всей образовательной вертикали конституционными смыслами. Студент должен понимать не только диспозицию статьи, но и аксиологическую нагрузку правового института: зачем он нужен государственности, какую общественную ценность защищает. Здесь крайне полезны наработки И. А. Ильина о воспитании «волевого правосознания – способности не только знать право, но и желать его реализации» [1, с. 203].

Обеспечение доступности и открытости правосудия. Доверие к судебной системе — краеугольный камень. Здесь нельзя обойтись без расширения внесудебных и досудебных механизмов урегулирования споров, цифровизации судопроизводства (но с сохранением национальной юрисдикции над этими цифровыми инструментами), а главное – реальной, а не декларативной независимости суда. Когда гражданин видит, что в споре с чиновником у него есть шанс выиграть по праву, его правосознание получает мощнейшее положительное подкрепление.

Противодействие правовому нигилизму – важная составляющая государственной политики, направленная на формирование уважительного отношения к закону, укрепление правопорядка и развитие правового государства. Это сложный системный процесс, если угодно, государственная политика, требующая комплексного подхода и взаимодействия различных государственных органов, институтов гражданского общества и других факторов

Это не только карательные операции против коррупции (хотя без неизбежности наказания за правовую демагогию не обойтись), но и создание «позитивных образов». Государство через СМИ, кинематограф, публичные мероприятия обязано транслировать успешные модели правомерного поведения. Граждане должны видеть, что законопослушность приносит выгоду, уважение и безопасность, а не превращает человека в жертву обмана.

Укрепление цифрового суверенитета через правосознание. В условиях, когда глобальные платформы пытаются подменить государственную юрисдикцию, необходима четкая позиция: цифровой закон (смарт-контракт, алгоритм) не существует в правовом вакууме; его действительность всегда подчинена публичному порядку и основам конституционного строя. Формирование такого «цифрового правосознания», критически оценивающего технологиче-

ские решения с точки зрения национального права, — задача юридического образования. Юрист будущего должен быть готов анализировать код как форму реализации права, но не как самостоятельный источник суверенной власти.

Опора на традиционные ценности и историческую преемственность. Правовая система России не возникла вчера; она впитала в себя вековой опыт общинного самоуправления, соборного сознания, приоритет обязанностей перед абстрактными правами. Игнорирование этой специфики и механистический перенос западных правовых конструкций разрушает «правовой менталитет», о котором писал А. И. Овчинников [8, с. 102]. Государственная политика в области правосознания требует не ретуширования исторической памяти, а ее аккуратного встраивания в современный правовой контекст.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что правосознание общества – это не сопутствующий, а конститутивный элемент государственности. Там, где оно замещается принуждением, государство перестает быть таковым, превращаясь в административно оккупированную территорию, неизбежно подлежащую демонтажу при смене режима.

Современная российская государственность стоит перед вызовом: либо сознательное, последовательное взращивание «живого правосознания», опирающегося на конституционную идентичность и суверенное толкование права, либо дальнейшая атомизация общества и эрозия юрисдикции под воздействием глобальных цифровых потоков. Учение классиков русской философии права (И. А. Ильин, Л. И. Петражицкий) и труды современных теоретиков (Матузов, Малько, Овчинников) подводят к единому знаменателю: право и государство живут не в кодексах, а в умах и душах людей.

Именно поэтому формирование правосознания должно занять место не просто одного из направлений гуманитарной политики, а стать основной заботой власти, стоящей в одном ряду с обеспечением обороны и экономической стабильности.

Библиографический список

1. Ильин, И. А. О сущности правосознания. – Москва : Рарогъ, 1993. – 235 с.

2. *Петражицкий, Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. – СПб., 1909. – 656 с.

3. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве / Пер. под ред. С.И. Гессена. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 752 с.

4. Алексеев, С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – 712 с.

5. *Туманов, В. А.* Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. – 1993. – № 8. – С. 45–52.

6. *Матузов, Н. И., Малько, А. В.* Теория государства и права: учебник. – М.: Юристъ, 2004. – 512 с.

7. *Баранов, П. П.* Правосознание и правовое воспитание // Общая теория права: курс лекций / Под ред. В. К. Бабаева. – Нижний Новгород, 1993. – С. 474–496.

8. *Овчинников, А. И.* Правовое мышление: теоретико-методологический анализ. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2003. – 344 с.

9. *Радько, Т. Н.* Теория государства и права: учебник. – М.: Проспект, 2010. – 752 с.

10. *Марченко, М. Н.* Проблемы теории государства и права: учебник. – М.: Проспект, 2015. – 768 с.

Bibliographic list

1. *Ilyin, I.* On the essence of legal consciousness. – M.: Rarog, 1993. – 235 p.

2. *Petrazhitsky, L.* Theory of law and the state in connection with the theory of morality. Vol. 1. – St. Petersburg, 1909. – 656 p.

3. *Jellinek, G.* General Theory of the State / Translated by S.I. Hessen. – St. Petersburg: Legal Center Press, 2004. – 752 p.

4. *Alekseev, S.* Law: ABC – Theory – Philosophy: An Experience of Comprehensive Research. – Moscow: Statut, 1999. – 712 p.

5. *Tumanov, V.* Legal Nihilism in Historical and Ideological Perspective // State and Law. – 1993. – № 8. – Pp. 45–52.

6. *Matuzov, N., Malko, A.* Theory of State and Law: Textbook. – Moscow: Yurist, 2004. – 512 p.

7. *Baranov, P.* Legal Consciousness and Legal Education // General Theory of Law: Course of Lectures / Ed. by V. Babaev. – Nizhny Novgorod, 1993. – P. 474-496.

8. *Ovchinnikov, A.* Legal Thinking: A Theoretical and Methodological Analysis. – Rostov-on-Don: Rostov University Press, 2003. – 344 p.

9. *Radko, T.* Theory of State and Law: Textbook. – Moscow: Prospekt, 2010. – 752 p.

10. *Marchenko, M.* Problems of the Theory of State and Law: Textbook. – Moscow: Prospekt, 2015. – 768 p.

Берлявский Л. Г.

ВУДРО ВИЛЬСОН И РЕАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ПРОГРАММЫ АМЕРИКАНСКОГО ПРОГРЕССИЗМА

Аннотация

В статье исследуется реформистская политико-правовая программа американского прогрессизма и ее реализация администрацией 28-го президента США Вудро Вильсона. Позитивистская методология, которую использовал Вильсон для исследования государственно-правовых явлений, предполагала признание эволюционной модели конституционализма, а также приложения учения Ч. Дарвина к правоведению. Правотворческая деятельность президента США впервые была проанализирована В. Вильсоном. Прогрессисткая в своей основе концепция Вильсона «Новая свобода» предусматривала преобразование практически всех сторон американского общества. При этом она предполагала весьма существенное ограничение прав и свобод человека условиях военного времени.

Ключевые слова

Политико-правовая программа, Вудро Вильсон, американский прорессизм, правоведение, «Новая свобода».

Berlyavsky L.

WOODROW WILSON AND THE IMPLEMENTATION OF THE POLITICAL AND LEGAL PROGRAM OF AMERICAN PROGRESSIVISM

Abstract

The article examines the reformist political and legal program of American progressivism and its implementation by the administration of the 28th President of the United States Woodrow Wilson. The positivist methodology that Wilson used to study state-legal phenomena presupposed the recognition of the evolutionary model of constitutionalism, as well as the application of the teachings of Ch. Darwin's approach to jurisprudence. The law-making activity of the President of the United States was first analyzed by W. Wilson. Wilson's funda-mentally progressive concept of "New Freedom" envisioned the transformation of virtually all aspects of American society. At the same time, it assumed a very significant restriction of hu-man rights and freedoms in wartime conditions.

Keywords

Political and legal program, Woodrow Wilson, American progressivism, jurisprudence, "New Freedom".

Прогрессизм – политическое движение в США в начале XX в., основанное на тезисе о необходимости выдвижения «истинно прогрессивной» партии в силу неадекватности платформ республиканской и демократической партий нуждам эпохи [44, с. 160]. Подъем прогрессистских реформ на уровне штатов пришелся на 1903-1908 гг. За пять лет было принято не менее 130 законов, ограничивавших экономическое и политическое влияние большого бизнеса. Прогрессистское законодательство всё более активно выходило и на общенациональный уровень.

Наибольших практических результатов прогрессисты добились в штате Висконсин, где их лидером выступал губернатор Р. М. Лафоллетт, добившийся принятия законов о налоге на наследство, о регистрации лоббистов, частичного регулирования деятельности железнодорожных компаний. Вслед за Лафоллеттом реформистски настроенные политики были избраны губернаторами Айовы, Нью-Йорка, Калифорнии, ряда других штатов. В них в течение нескольких лет были приняты законы, аналогичные висконсинским [33, с. 246-247].

Объявивший себя прогрессистом Теодор Рузвельт настаивал на регулировании деятельности монополий, выступал за прямые выборы сенаторов, обеспечение права граждан на участие в референдуме, за право народа на отмену судебных решений (но не отзыва судей) [23, с. 243]. Что касается этих предложений, то прямые выборы в Сенат США были введены 17-й Поправкой к Конституции США в 1912 г. На конституционном уровне право граждан на участие в референдуме не зафиксировано до сих пор, федеральных референдумов история США не знает. Сформулированное Т. Рузвельтом право народа на отмену судебных решений носило чисто популистский и демагогический характер. В целом, прогрессизм Теодора Рузвельта носил ограниченный характер [31, с. 37].

Прогрессизм не был единым, а тем более централизованным движением. Это была сеть разных движений, объединенных общим стремлением их участников к совершенствованию политической системы и экономических отношений и улучшению жизни людей. По словам Артура Линка и Ричарда Маккормика, глубоко исследовавших этот феномен, «прогрессизм был единственным в истории страны движением, которое охватило весь американский народ» и которое не сравнить по масштабам с движениями, сопровождавшими реформы Эндрю Джексона, проведение Нового курса Франклина Рузвельта или построение Великого общества в годы президентства Линдона Джонсона. Однако при всей своей уникальности прогрессизм был продолжением той протестно-реформаторской традиции, которая сохранялась и проявлялась время от времени, пусть в разной форме, на протяжении всей политической истории Соединенных Штатов [22, с. 136].

В истории американского прогрессизма Томас Вудро Вильсон занимает особое место. В академическом справочнике президентов США статья о нем начинается с того, что 28-й президент Соединенных Штатов был единственным главой исполнительной власти, который еще до вступления в должность исследовал институт президентства с научных позиций [1, с. 365]. Сформулированные им принципы государственного управления до настоящего времени разделяются ведущими деятелями Демократической партии США. Либераль-

но-идеалистическая парадигма нашла свое воплощение в разработанной после Первой мировой войны В. Вильсоном программе создания Лиги Наций [45, с.106].

Как справедливо отмечалось в отечественной научной литературе, ряд произведений Вильсона не утратил своей актуальности и в наши дни. Его труды, посвященные анализу государственного механизма США и перспективам его развития, а также работы, посвященные созданию основ американской теории управления, явились существенным вкладом в развитие американской науки в различных ее областях» [37, с. 3].

Политические позиции и интеллектуальные симпатии Вильсона – противника социализма и радикализма – предполагали сомнения в духе Эдмунда Берка и Жозефа де Местра в способности масс самостоятельно, без водительства со стороны элиты решать свои проблемы [22, с. 148].

Современные авторы продолжают изучать концепцию мироустройства В. Вильсона, его программу реформирования мирового порядка [39, с. 68-80]. Философ Борис Межуев охарактеризовал взгляды видного футуролога Фрэнсиса Фукуямы как «реалистический вильсонизм» [35]. Анализируется, в частности, «новый вильсонизм» администрации Билла Клинтона [42, с. 265-268]. При этом констатируется отсутствие прорывов в «отечественном вильсоноведении» [40].

В англоязычной научной литературе отдельные стороны конституционно-правовой концепции Вудро Вильсона рассматривались в биографиях и обзорах государственной деятельности 28-го президента США, работах, посвященных его вкладу в государственное строительство, регулирование американской экономики и антитрестовское законодательство, в развитие международного права и мировой дипломатии, заключение Версальского договора и учреждение Лиги наций, руководство вооруженными силами страны на посту верховного главнокомандующего. Особо выделяются исследователями противоречия в теоретических позициях и практической деятельности В. Вильсона [24, с. 124]. До настоящего времени наиболее представительным является собрание документов американского этого президента в 69 томах, изданное под редакцией Артура Линка [2].

В фундаментальной «Энциклопедии американской Конституции» констатируется, что В. Вильсон в своих работах «Правление Конгресса» (1884 г.), «Конституционное государство в Соединенных Штатах» (1908 г.), серии статей и речей, вышедших в 1912 г. под названием «Новая свобода» критически отзывался о положениях Конституции США, которые, с его точки зрения, ослабляли исполнительную власть, позволяли группам давления преобладать в комитетах законодательных органов, соблюдать букву закона, а не обеспечивать жизнедеятельность государства. Вильсон выступал за Конституцию как «живой организм», способный к развитию и адаптации, к координации ветвей власти с целью сохранения свободы, но при условии сильной президентской власти [3, с. 2047].

Относительно изучения государственного строя США видный представитель российской школы конституционной компаративистики М. М. Ковалевский (1851-1916) заметил, что «Вудро Вильсон принадлежит к числу ориги-

нальнейших критиков последнего, и его книга о «Конгрессовом правительстве», несмотря на свой незначительный объем, может быть поставлена рядом с лучшими главами Токвиля и Брайса» [29, с. XL].

В сочинении «Правление конгресса» В. Вильсон выступил с резкой критикой организации и деятельности конгресса, но эта критика опиралась не на личное наблюдение, а на ряд посылок, которые были сформулированы до написания книги. Они включали предположения о том, что формальная концепция конституции расходится с ее органическим эволюционным развитием (здесь он опирался на наблюдения и выводы Уильяма Беджгота). Далее утверждалось, что «книжная версия» системы «сдержек и противовесов», которой придерживались отцы-основатели, является вредной для реального и результативного правления. Чем больше власть подвержена разделению, тем более безответственной она становится. Правление конгресса не подконтрольно ни исполнительной, ни судебной властям [32, с. 500-501].

Исследование Вильсона «Изучение администрации» (1887 г.) исходило из того, что в любой системе управления существует единый управляющий центр как необходимая предпосылка ее эффективности и ответственности, наблюдается структурное сходство всех современных правительств. Автор обосновывал необходимость отделения управления от политической деятельности, выступал за профессионализм государственных служащих, организационную иерархию как условие финансовой и административной эффективности [4, с. 197-222]. Эти положения во многом были созвучны теории «идеальной бюрократии» Макса Вебера, поэтому их часто характеризуют как концепцию Вильсона – Вебера.

В переведенном на русский язык капитальном труде «Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений» (1905 г.) тогдашний профессор государственного права и будущий президент США В. Вильсон настаивал на том, что «правительство Соединенных Штатов должно иметь одну голову – президента, так как штаты делали опыт с этой системой и одобрили ее» [29, с. 444].

Как справедливо отмечал видный американист Э.А. Иванян, представление В. Вильсона о роли президента США было гиперболизированным [31, с.64]. Необходимо отметить, что реальное расширение полномочий Президента за счет прерогатив Конгресса происходило и ранее, в частности, в период Гражданской войны, когда Указом А. Линкольна от 25 апреля 1861 г. было о приостановлено действие Хабеас Корпус акта. 1 января 1863 г. в обход Конгресса Президентом США было подписано Провозглашение о статусе рабов в штатах, участвующих в мятеже против Соединенных Штатов (Прокламация об освобождении рабов). Форму правления в США в период Гражданской войны можно охарактеризовать как ярко выраженную президентскую республику с доминированием Президента над Конгрессом в вопросе распределения политической власти [36].

При этом Вильсон считал Конституцию США своеобразным обобщением политического опыта нации, способствующим просвещению общественного мнения и в то же время содействующим его консерватизму. Что касается роли института президента, то в американской истории истинное его значение определяется не зафиксированными в Конституции полномочиями, а фактическим положением дел [32, с. 501]. По сути, В.Вильсон обосновывал концеп-

цию дискреционных полномочий президента, которые базировались на принципах Конституции, но не ограничивались ею.

Российский компаративист М. М. Ковалевский не скрывал того, что последние главы монографии В. Вильсона о государстве, в которых резюмированы автором его общие выводы, кажутся довольно скудными содержанием. Вкрадывается сомнение в том, нужно ли было производить столь детальную работу, чтобы прийти к установлению более или менее общеизвестных истин о том, что политические учреждения не изобретаются, а растут, что правительство есть исполнительный орган общества, что современность в противность древности устраняет аристократию и неограниченную монархию из числа нормальных форм государственного устройства [29, с. XXXIX-XL]. Стоит отметить, что в тексте своей монографии В. Вильсон не выделил отдельно полномочия Верховного Суда США как органа конституционного надзора.

В целом, позитивистская методология, которую использовал Вильсон для исследования государственно-правовых явлений, предполагала признание эволюционной модели конституционализма [25, с. 14-18]. В этой связи, неслучайны симпатии Вильсона идее политического и экономического прогресса и прогрессизму как течению общественной мысли.

В научной литературе предпринята попытка раскрыть причины пристального внимания правоведов, историков, политологов и других исследователей к фигуре 28-го президента США демократа В. Вильсона. Во-первых, Вильсон был одним из немногих американских президентов, которые пытались (и во многих случаях небезуспешно) превратиться из арбитров в собственно творцов национальной политики и национального законодательства. Во-вторых, Вильсон пришёл к власти с уже окончательно сформировавшимися взглядами на задачи государственной власти. В их основе лежала эволюция политических институтов, необходимость их постоянного приспособления к меняющимся социально-экономическим условиям. В. Вильсон был одним из авторов концепции государства как агента социальных реформ, регулятора экономической, да и всей общественной жизни. Этим объясняется его стремление повысить роль исполнительной ветви власти. В-третьих, Вильсон-правовед был реформатором не только в области национального законодательства, гораздо больший след в истории оставило его стремление коренным образом реформировать всю систему международных правоотношений [34].

Высказано мнение о том, что в американской юридической науке правотворческая деятельность президента США впервые была детально проанализирована С. Дж. Хартом в диссертации «Указная власть Президента США» (Ordinance-Making Powers of the President of the United States) в 1923 г. [28, с. 14]. Представляется, что это было осуществлено гораздо раньше – в трудах В. Вильсона.

Известный прогрессист и противник трестов юрист Л. Брандайз «в конце августа 1912 г. в разгар предвыборной кампании предложил Вильсону антитрестовскую тему в качестве привлекательного предвыборного сюжета» [43, с. 331, 332].

Встречаются достаточно категоричные утверждения о том, что сутью прогрессистской программы «Новой свободы» В. Вильсона была ликвидация трестов и восстановление конкурентного капитализма старого типа [47, с. 82].

При этом, по мнению В.В. Согрина, программа «Новой свободы» В.Вильсона на 90% совпадала с «Новым курсом» Теодора Рузвельта, однако если последний требовал отказаться от дальнейшего использования антимонопольного закона Шермана и сосредоточиться на государственном контроле за деятельностью гигантских предпринимательских объединений, то Вильсон настаивал на необходимости совершенствования антимонопольного законодательства [41, с. 55-56]. Причина этого состояла в том, что угрожающе названный антитрестовским закон Шермана 1890 г. был намеренно сформулирован в таких выражениях, что «единственным его результатом было повышение жизненного уровня лиц, занимающихся юридической практикой» [31, с. 11].

Последующая конституционная практика, с одной стороны, подтвердила вывод В. Вильсона о представительном характере института президента как выразителя национальных интересов. С другой стороны, его настойчивые попытки трансформировать систему «сдержек и противовесов» в пользу усиления исключительно президентской власти привели к тому, что второй срок его пребывании на посту президента был ознаменован конфликтами со многими политическими союзниками, отказом Демократической партии от его выдвижения кандидатом в президенты на третий срок, провалом ратификации в Сенате соглашения об учреждении Лиги наций.

Накануне своей инаугурации в 1913 г. Вильсон настаивал на том, что от президента требуется быть не только лидером своей партии, но и главой исполнительной власти. «Он должен быть премьер-министром, обеспечивать руководство деятельностью законодательного органа, а также справедливое и точное исполнение закона» [1, с. 367]. Однако реализовывать данную концепцию удавалось только на протяжении шести лет – до тех пор, пока президент пользовался поддержкой большинства Конгресса. Это доказывало, что президентская власть является важным, но одним из элементов системы разделения властей в конституционном механизме США.

Элементом конституционно-правовой концепции Вильсона было обоснование института советников и помощников президента США, который впоследствии составили целые подразделения президентской администрации. «Вильсон отмечал, что, поскольку президент не может быть действительным главой администрации, он должен находить людей, обладающих исключительными дарованиями в правовой и коммерческой областях, чтобы они действовали от его имени и несли обязанности по повседневному управлению. Подбирать своих помощников он должен не из числа известных политиков, а из наиболее достойных и квалифицированных сограждан» [32, с. 501].

В частности, советником президента по правовым и экономическим вопросам стал тогдашний бостонский адвокат Л.Д. Брандайз, заслуживший репутацию «Робин Гуда права» и «защитника народа» [26, с. 313-320]. Видный исследователь американской правовой системы З. М. Черниловский считал, что влиянием заключения Брандайза (1908 г.) проникнуты некоторые страницы книги Вильсона «New Freedom» [46, с. 104-105]. З. М. Гершов пришел к выводу, что этот юрист был главным творцом программы Вильсона, именно его основные идеи воплотились в актах о Федеральной резервной системе, Федеральной торговой комиссии, законопроекте Рейборна [30, с. 60].

Данное мнение совпадает с позицией американских исследователей А. Мэйсона, С. Пайотта, А. Гекшера, которые считают, что Вудро Вильсон разделял прогрессистскую по своей сути концепцию «регулируемой конкуренции», обоснованную Брандайзом [5, с. 375-377] [6, с. 139-140]. Президент часто обращался к советам последнего по вопросам экономической политики в части государственного регулирования трестов, поскольку его предвыборная кампания была сфокусирована на устранении монополий во всех формах. Вильсон был уверен, что реформы в банковском секторе и снижение тарифов на услуги монополий способны улучшить функционирование свободного рынка [7, с. 256-257].

Позиция президента ярко проявилась в его выступлении перед нью-йоркскими банкирами в январе 1910 г., когда Вильсон утверждал: «Беда сегодня заключается в том, что вы, банкиры, слишком недальновидны. Вы не знаете страны и что в ней происходит, страна вам не доверяет… Вы не проявляете интереса к мелкому получателю кредита и мелкому предпринимателю, которые оказывают влияние на будущее страны, но уделяете всяческое внимание крупному получателю кредита и крупным предприятиям…» [31, с. 65].

После президентских выборов в ноябре 1912 г. Вудро Вильсон в письме Луису Брандайзу признал его «огромный вклад» в победу на выборах и рассматривал кандидатуру этого бостонского адвоката на пост генерального прокурора либо министра торговли. Однако от подобной идеи пришлось отказаться, так как президент встретил мощную оппозицию со стороны глав корпораций, против которых Брандайз выступал в судебных баталиях [8, с. 257-258]. В 1916 г. Вильсон представил Сенату Л.Д. Брандайза в качестве кандидата в судьи Верховного суда Соединенных Штатов.

Советником президента по внешнеполитическим вопросам с 1911 г. был Э. М. Хауз (1858-1938), известный как «полковник Хауз» и оставивший дневники и переписку с президентом Вильсоном и другими политическими деятелями [9].

Традиционно конституционно-правовая концепция В. Вильсона отождествляется с фундаментом современного либерализма в американской интеллектуальной культуре [10]. Один из основателей мир – системной теории, ведущий представитель современной левой политической мысли И. Валлерстайн уверяет, что «вильсонизм основывался на классических либеральных предпосылках… Он подразумевал, что каждый действует на основе рационально осознанного интереса и что, следовательно, каждый в конечном счете разумен. Поэтому мирная и реформистская практика рассматривалась в качестве реализуемой. Он уделял очень большое внимание законности и формальным процедурам» [27, с. 68].

При этом упускается из виду, что данная концепция предполагала весьма существенное ограничение прав и свобод человека условиях военного времени. Со вступлением страны в Первую мировую войну был принят Overman Act (1917), «фактически установивший президентскую диктатуру над государственным аппаратом» [3, с. 2911]. Акт о контроле над железными дорогами (1918) предусматривал введение государственного контроля над сетью железных дорог [11]. Был принят Акт о воинской повинности (для определенных категорий призывников) [12]. Акт о шпионаже (1917) [13] и Акт о подстрекатель-

стве к мятежу (1918) [14] заложили правовую основу государственного контроля над инакомыслящими не только в условиях мировой войны, но и после ее окончания.

На основании Акта о шпионаже были запрещены все социалистические газеты как протестующие против существующего режима. Полиция повсюду искала германских агентов, арестовывала социалистов, деятелей ИРМ, забастовщиков. В стране воцарилась атмосфера запугивания [23, с. 282-283].

Вильсон считал, что государственное управление пребывает в современной Америке под воздействием двух факторов – народного суверенитета и общественного мнения. Для проведения успешной административной реформы необходимо, прежде всего, просветить и убедить именно общественное мнение, поскольку оно всегда консервативно и исполнено предрассудков. Вот почему любая реформа должна быть медленной и основываться на компромиссах. В условиях развитых форм конституционализма управляемые чувствуют себя некой общностью, объединенной единой целью и представлением об общей идее или интересе [32, с. 502].

Воззрения президента на реформу государственного управления воплотились в провозглашенной им программе «Новая свобода» («The New Freedom»), содержание было им изложено в брошюре с одноименным названием, опубликованной в 1913 г. [15] В качестве подзаголовка к ней В. Вильсон выбрал «Призыв к освобождению творческой энергии народа».

Вопреки распространенному мнению о том, что основное содержание платформы президента в сфере внутренней политики сводилось к ряду реформ в области государственного управления, программа «Новая свобода» должна была затронуть практически все стороны жизнедеятельности американского общества: она провозгласила наступательную антимонопольную политику, сокращение тарифов, совершенствование трудового и социального законодательства, учреждение государственного регулятора банковской деятельности, меры в области охраны окружающей среды и охраны здоровья населения.

В процессе реализации программы «Новая свобода» были приняты три Поправки к Конституции США: 17-я (введение прямых выборов в Сенат) в 1913 г., 18-я (введение «сухого закона»; отменена 21-й Поправкой к Конституции США в 1933 г.) в 1920 г., 19-я (введение активного избирательного права для женщин) в 1920 г.

При этом ординарные законы вносили такие же изменения в систему государственного управления, как и формальные конституционные Поправки [3, с. 2911]. В частности, в распоряжении Вильсона находились три проекта финансовой реформы. Прежде чем принять решение, он обратился за консультацией к Л. Брандайзу, который заключил, что «полномочиями выпуска денежной эмиссии следует наделить только государственные органы. Бюро определенно должно быть государственным органом», а функции частных банкиров необходимо ограничить совещательным голосом [30, с. 76]. После консультаций Вильсон заявил, что банковская система должна иметь «публичный, а не частный характер, она должна находиться в ведении государства, чтобы банки были инструментами, а не хозяевами бизнеса» [7, с. 317].

Акт о Федеральной резервной системе (Federal Reserve Act), утвержденный президентом В. Вильсоном 23 декабря 1913 г., учредил Федеральную резервную систему, выполняющую до настоящего времени функции центрального банка США, и предоставил ей право денежной эмиссии на территории Соединенных Штатов [16]. В соответствии с законом создавались 12 федеральных резервных банков, подчинявшихся Федеральному резервному управлению. Все национальные банки были обязаны войти в федеральную резервную систему и осуществлять в нее отчисления в размере 6% своих активов.

В «Энциклопедии Федеральной резервной системы» констатируется, что вышеуказанный акт является политическим документом, который базируется на экономических основах [17, с. XVI]. Президент В. Вильсон принял предложение о том, чтобы все члены Совета управляющих ФРС назначались на должности непосредственно президентом США [1, с. 370].

В администрации президента Вильсона были разработаны законопроекты, связанные с предоставлением министерству юстиции прав, связанных с реализацией антитрестовского законодательства [18, с. 82]. В 1914 г. Актом о Федеральной торговой комиссии (Federal Trade Commission Act) было учреждено независимое агентство правительства США, в компетенцию которого входит защита прав потребителей и надзор за соблюдением антимонопольного законодательства [19].

В. Вильсон поддержал законопроект Стевенса (Stevens bill), согласно которому Федеральная торговая комиссия получала право издавать приказы о прекращении монополистической деятельности (cease and desist orders), направленные на борьбу с нечестной конкуренцией на товарных рынках [1, с. 371]. В 1921 г. решением Верховного суда право определять нечестную конкуренцию было представлено федеральным судам.

Вильсон признавал, что «хозяевами Соединенных Штатов являются объединенные капиталисты и промышленники Соединенных Штатов» [31, с. 16]. Поэтому Законом Клейтона (Clayton Antitrust Act) 1914 г. ограничивалась деятельность трестов [20]. Данный закон развивал и уточнял прежние нормы закона Шермана, вводя новые понятия о «вредной» и «общественно допустимой» монополизации, ограничения на крупные корпорации стали конкретнее, законом изымалась деятельность профсоюзов из-под возможных преследований на основании закона Шермана, устанавливая особое социальное качество человеческого труда – не как рядового товара или услуги [38, с. 325].

В научной литературе высказано мнение, что данным законом была завершена реализация программы «Новой демократии» В. Вильсона, однако исследователи до сих пор не достигли единого мнения относительно истинного значения и последствий этих законов. Большинство приходит к выводу, что в совокупности они, как минимум, означали отход от концепции «Новой свободы» [41, с. 57].

Вместе с тем, обращается внимание на то, что средний класс был доволен актом Клейтона против «незаконной конкуренции» и более жестким применением закона Шермана против трестов. Профсоюзы выражали удовлетворение тем, что специальным законом объединения трудящихся были исключены из числа «трестов», а введение восьмичасового рабочего дня на железных дорогах

порождало надежды на то, что последуют аналогичные меры в других отраслях [47, с. 83].

В действительности с принятием закона Клейтона осуществление программы «Новой демократии» в реальности завершено не было. Целый ряд нормативных актов, инициированных в процессе ее реализации, принимался вплоть до истечения срока президентских полномочий Вудро Вильсона, в частности, Industry Vocational Rehabilitation Act (1920), Sheppard-Towner Act (1921) в сфере здравоохранения или Federal Water Power Act (1920) в области охраны водных ресурсов, акты трудового законодательства Merchant Marine Act (1920), Esch-CumminsAct (1920) и др.

В целом, масштабы реализации программы «Новой демократии» затрагивали важнейшие стороны жизни американского общества. Помимо указанных выше, были приняты:

– 8 законов, направленных на поддержку сельского хозяйства и фермеров (Smith-Lever Act(1914*),* Cotton Warehouse Act (1914*)* и др.);

– 18 актов трудового законодательства (LaFollette-Peters Act (1914), Seamen's Act (1915), Child Labor Tax Law (1919*)* и др.);

– 23 закона в сфере здравоохранения и социального обеспечения (Cutter Service Act (1914), Federal Aid Road Act (1916), Rural Post "Good" Roads Act (1916) и др.);

– 5 актов, регулировавших статус ветеранов войны (War Risk Insurance Act of (1914), War Risk Insurance Act (1917*)* и др.);

– 11 актов в области охраны окружающей среды (River and Harbors Act (1914), Glacier National Park Act (1914) и др.).

Либерально-идеалистическая парадигма лежала в основе внешнеполитических воззрений В. Вильсона и его отношения к международному праву. Один из видных современных представителей школы политического реализма, государственный секретарь США Г. Киссинджер (1973-1977) считал, что для Вильсона обоснование американского участия в международных делах носило мессианский характер, утверждая, что «от распространения демократии зависит мир на земле» [21, с. 30].

Таким образом, существенными чертами прогрессистской концепции В. Вильсона были:

– коррекция конституционного принципа разделения властей: обоснование необходимости усиления президентской власти, президентской администрации, института советников и помощников президента в ущерб полномочиям Конгресса;

– позитивистская методология, предполагавшая признание эволюционной модели конституционализма;

– программа внутренней политики «Новая свобода», которая предусматривала реформирование всех сторон американского общества;

– либерально-идеалистическая парадигма внешней политики и развития международного права.

Библиографический список

1. The presidents: a reference history / H. E. Graff, ed., Thomson. Gale (2002).

2. *Arthur S. Link* et al., eds., The Papers of Woodrow Wilson, 69 vols. (Princeton, N.J., 1966–1994).

3. Encyclopedia of the American Constitution /ed. by Leonard W. Levy and Kenneth Karst.2nd ed. / Adam Winkler, associate editor for the second edition. N.Y.: Macmillan Reference USA, 2000.

4. *Woodrow W.* The Study of Administration. Political Science Quarterly. Vol. 2, No. 2 (Jun., 1887): 197-222.

5. *Mason, Th. A.* Brandeis: A Free Man's Life, Viking Press (1946).

6. *Piott, S. L.* American Reformers, 1870-1920, Rowman & Littlefield (2006).

7. *Heckscher A.,* ed., The Politics of Woodrow Wilson: Selections from his Speeches and Writings (1956).

8. *Lief, A.* Brandeis: The Personal History of an American Ideal, Stackpole Sons (1936).

9. *Seymour Ch.,* ed., The Intimate Papers of Colonel House, 4 vols. (Boston, 1926–1928).

10. *Pestritto R. J.* Woodrow Wilson and the Roots of Modern Liberalism (American Intellectual Culture) (Rowman & Littlefield Publishers, 2005).

11. 40 Stat. 451 (1918).

12. 40 Stat. 76 (1917).

13. 40 Stat. 451 (1917).

14. 40 Stat. 553 (1918).

15. *Woodrow W.* (1913). The New Freedom. New York, New York: Doubleday, Page & Company.

16. 38 Stat. 251, 12 U.S.C. ch. 3.

17. Federal Reserve System: an encyclopedia /R.W. Hafer., Greenwood Press (2005).

18. *McCraw, Th. K.* Prophets of Regulation, Harvard University Press (1984).

19. 15 U.S.C §§ 41-58, as amended.

20. Pub. L. 63-212, 38 Stat. 730, enacted October 15, 1914, codified at 15 U.S.C. §§ 12–27, 29 U.S.C. §§52-53.

21. *Kissinger Henry.* Diplomacy (N.Y., 1994).

22. *Баталов, Э. Я.* Американская политическая мысль XX века. – М.: Прогресс-Традиция, 2014. – 622 с.

23. *Белявская, И. А.* Теодор Рузвельт и общественно-политическая жизнь США. – М.: Наука, 1978. – 310 с.

24. *Берлявский, Л. Г.* Политико-правовая концепция Вудро Вильсона (1856-1924) // Государство и право. 2019. № 4. – С.123-134.

25. *Берлявский, Л. Г.* Концепция «живой Конституции» в Соединенных Штатах Америки // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 2. – С. 14-18.

26. *Берлявский, Л. Г.* Вклад Л. Д. Брандайза в развитие конституционного права Соединенных Штатов Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. № 2. – С.313-320.

27. *Валлерстайн, И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. – М.: Университетская книга, 2001. – 416 с.

28. *Ваньков, А. В.* Правотворчество Президента США в сопоставлении с отдельными правотворческими полномочиями Президента Российской Федерации // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 6. – С.14-18.

29. *Вильсон, В.* Государство. Прошлое и настоящее конституционных учреждений. – М.: Саблин, 1905. – 810 с.

30. *Гершов, З. М.* Вудро Вильсон. – М.: Мысль, 1983. – 335 с.

31. *Иванян, Э. А.* Белый дом: президенты и политика. – М.: Издательство политической литературы, 1976. – 432 с.

32. История политических и правовых учений /под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2004. – 944 с.

33. История США. В 4-х т. Т.2 / отв. ред. Г. П. Куропятник. – М.: Наука, 1985. – 598 с.

34. *Мардалиев, Р. Т.* Правовые реформы Вудро Вильсона и его проект Лиги наций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2001. – 24 с.

35. *Межуев, Б.* «Реалистический вильсонизм» Фрэнсиса Фукуямы //http://polit.ru/article/2006/07/06/mezhuev/ (дата обращения – 27.09.2025).

36. *Латыпова, Н. С.* Государственно-правовое развитие США в период Гражданской войны и Реконструкции Юга (1861–1877): дис… канд. юрид. наук. – Уфа, 2017. – 25 с.

37. *Мишина, Е. А.* Политические взгляды Вудро Вильсона: автореф. дис.…канд. юрид.наук. – М.,1992. – 24 с.

38. *Омельченко, О. А.* Всеобщая история государства и права: в 2 т. Т. 2. М. ТОН – Остожье, 2000. – 496 с.

39. *Романов, В. В.* Вудро Вильсон и его концепция мироустройства // США: экономика, политика, культура. 2005. № 2. – С. 68-80.

40. *Романов, В. В.* Внешнеполитическая доктрина вильсонизма и политико-академические круги США: автореф. дисс. д. ист.наук. – М., 2005. – 35 с.

41. *Согрин, В. В.* Крупный бизнес США от "Позолоченного века" до "Прогрессивной эры" (1870-1910 гг.) // Новая и новейшая история. 2010. № 6. – С. 38-59.

42. *Соколов, Н. Н.* «Новый вильсонизм» администрации Б. Клинтона в американской историографии //Американские исследования в Сибири. Вып. 9. – Томск, 2008. – С.265-268.

43. США: политическая мысль и история /под ред. Н.Н. Яковлева. – М.: Наука, 1976. – 617 с.

44. *Уткин, А. И.* Теодор Рузвельт. – Свердловск: Изд-во Урал, ун-та, 1989. – 192 с.

45. *Цыганков, П. А.* Теория международных отношений. – М.: Юрайт, 2002. – 317 с.

46. *Черниловский, З. М.* От Маршалла до Уоррена. Очерки истории Верховного Суда США. – М.: Юридическая литература, 1982. – 219 с.

47. *Чернявский, Г. И.* Франклин Рузвельт. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 540 с.

Bibliographic list

1. The presidents: a reference history / H. E. Graff, ed., Thomson. Gale (2002).

2. *Arthur S. Link* et al., eds., The Papers of Woodrow Wilson, 69 vols. (Princeton, N.J., 1966–1994).

3. Encyclopedia of the American Constitution /ed. by Leonard W. Levy and Kenneth Karst.2nd ed. / A. Winkler, associate editor for the second edition. N.Y.: Macmillan Reference USA, 2000.

4. *Woodrow Wilson.* The Study of Administration. Political Science Quarterly. Vol. 2, No. 2 (Jun., 1887): 197-222.

5. *Mason, Th. A.* Brandeis: A Free Man's Life, Viking Press (1946).

6. *Piott, S. L.* American Reformers, 1870-1920, Rowman & Littlefield (2006).

7. *Heckscher A.*, ed., The Politics of Woodrow Wilson: Selections from his Speeches and Writings (1956).

8. *Lief, A.* Brandeis: The Personal History of an American Ideal, Stackpole Sons (1936).

9. *Seymour Ch.*, ed., The Intimate Papers of Colonel House, 4 vols. (Boston, 1926–1928).

10. *Pestritto R. J.* Woodrow Wilson and the Roots of Modern Liberalism (American Intellectual Culture) (Rowman & Littlefield Publishers, 2005).

11. 40 Stat. 451 (1918).

12. 40 Stat. 76 (1917).

13. 40 Stat. 451 (1917).

14. 40 Stat. 553 (1918).

15. *Woodrow W.* (1913). The New Freedom. New York, New York: Doubleday, Page & Company.

16. 38 Stat. 251, 12 U.S.C. ch. 3.

17. Federal Reserve System: an encyclopedia /R.W. Hafer., Greenwood Press (2005).

18. *McCraw, Th. K.* Prophets of Regulation, Harvard University Press (1984).

19. 15 U.S.C §§ 41-58, as amended.

20. Pub. L. 63-212, 38 Stat. 730, enacted October 15, 1914, codified at 15 U.S.C. §§ 12–27, 29 U.S.C. §§52-53.

21. *Kissinger H.* Diplomacy (N.Y., 1994).

22. *Batalov, E.* American Political Thought of the 20th Century. Moscow: Progress-Tradition, 2014. 622 p.

23. *Belyavskaya, I.* Theodore Roosevelt and the Social and Political Life of the USA. Moscow: Nauka, 1978. 310 p.

24. *Berlyavsky, L.* The Political and Legal Concept of Woodrow Wilson (1856-1924) //State and Law. 2019. No. 4. Pp. 123-134.

25. *Berlyavsky, L.* The Concept of the "Living Constitution" in the United States of America //Constitutional and Municipal Law. 2014. No. 2. Pp. 14-18.

26. *Berlyavsky, L.* L. D. Brandeis' Contribution to the Development of the Constitutional Law of the United States of America //Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2013. No. 2. Pp. 313-320.

27. *Wallerstein. I.* Analysis of World Systems and the Situation in the Modern World. Moscow: University Book, 2001. 416 p.

28. *Vankov, A.* Lawmaking by the President of the United States in Comparison with Certain Lawmaking Powers of the President of the Russian Federation // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2016. No. 6. Pp. 14-18.

29. *Wilson, V.* The State. The Past and Present of Constitutional Institutions. Moscow: Sablin, 1905. 810 p.

30. *Gershov, Z.* Woodrow Wilson. Moscow: Mysl, 1983. 335 p.

31. *Ivanyan, E.* The White House: Presidents and Politics. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1976. 432 p.

32. History of Political and Legal Thought / edited by V. S. Nersesyants. Moscow: Norma, 2004. 944 p.

33. History of the United States. In 4 volumes. Vol. 2 / edited by G. P. Kuropyatnik. Moscow: Nauka, 1985. 598 p.

34. *Mardaliyev, R.* Woodrow Wilson's Legal Reforms and His League of Nations Project: Abstract of Dissertation ... Candidate of Law. St. Petersburg, 2001. 24 p.

35. *Mezhuyev, B.* "Realistic Wilsonism" by Francis Fukuyama // http://polit.ru/article/2006/07/06/mezhuev / (date of reference – 09/27/2025).

36. *Latypova, N.* The state and legal development of the United States during the Civil War and the Reconstruction of the South (1861-1877): dis... cand. jurid. sciences'. Ufa, 2017. 25 p.

37. *Mishina, E.* Political Views of Woodrow Wilson: Abstract of Dissertation.…Cand. Law. Sciences. M., 1992. 24 p.

38. *Omelchenko, O.* General History of the State and Law: in 2 vols. Vol. 2. M. TON – Ostozhe, 2000. 496 p.

39. *Romanov, V.* Woodrow Wilson and His Concept of the World Order //USA: Economy, Politics, Culture. 2005. No. 2. Pp. 68-80.

40. *Romanov, V.* The Foreign Policy Doctrine of Wilsonism and the US Political and Academic Circles: Abstract of the Doctoral Dissertation in History. Moscow, 2005. 35 p.

41. *Sogrin, V.* US Big Business from the Gilded Age to the Progressive Era (1870-1910) // New and Contemporary History. 2010. No. 6. Pp. 38-59.

42. *Sokolov, N.* The "New Wilsonism" of the B. Clinton Administration in American Historiography //American Studies in Siberia. Issue 9. Tomsk, 2008. Pp. 265-268.

43. USA: Political Thought and History / edited by N.N. Yakovlev. Moscow: Nauka, 1976. 617 p.

44. *Utkin, A.* Theodore Roosevelt. Sverdlovsk: Ural University Press, 1989. 192 p.

45. *Tsygankov, P.* Theory of International Relations. M.: Yurayt, 2002. 317 p.

46. *Chernilovsky, Z.* From Marshall to Warren. Essays on the History of the U.S. Supreme Court. M.: Yuridicheskaya Literatura, 1982. 219 p.

47. *Chernyavsky, G.* Franklin Roosevelt. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2012. 540 p.

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Маркина Е. В.

СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: РАВНЫЙ ДОСТУП К ЗНАНИЯМ КАК КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы обеспечения принципа социальной солидарности в сфере образования. Автор анализирует влияние цифровизации на возможность получения равного доступа к знаниям и отмечает формирование информационной культуры, а также новой экосистемы, позволяющей персонализировать обучение.

Ключевые слова

Социальная солидарность, информационная культура, равный доступ к знаниям, конституционные права.

Markina E.

SOCIAL SOLIDARITY IN EDUCATION: EQUAL ACCESS TO KNOWLEDGE AS A CONSTITUTIONAL RIGHT IN THE DIGITAL AGE

Abstract

The article discusses the issues of ensuring the principle of social solidarity in the field of education. The author analyzes the impact of digitalization on the opportunity to gain equal access to knowledge and notes the formation of an information culture, as well as a new ecosystem that allows for personalized learning.

Keywords

Social solidarity, information culture, equal access to knowledge, constitutional rights.

В условиях ускоренной цифровизации общественных отношений социальная солидарность предстает фундаментальным принципом, закрепленным в статье 75.1 Конституции Российской Федерации, обеспечивающим единство и взаимодействие гражданского общества, институтов государства и традиционных религиозных организаций в реализации конституционного права на образование. Этот принцип обретает особую значимость в цифровую эпоху, когда равный доступ к знаниям, гарантированный частью 1 статьи 43 Конституции РФ, трансформируется под влиянием информационно-коммуникационных тех-

нологий, платформенных решений и искусственного интеллекта, формируя новые вызовы и возможности для инклюзивного образовательного пространства.

Современный этап развития человеческой цивилизации характеризуется переходом к информационной парадигме, в которой знания и данные становятся ключевыми ресурсами социально-экономического прогресса, однако стремительная цифровизация порождает новые формы социального неравенства, ставя под угрозу реализацию фундаментальных конституционных прав. Анализ эволюции конституционных норм, включая поправки 2020 года, свидетельствует о стратегическом закреплении традиционных ценностей как основы социальной сплоченности, где цифровизация выступает не только технологическим фактором, но и инструментом реализации принципа солидарности через преодоление барьеров доступности и персонализацию обучения [7, с. 64; 8, с. 81].

Конституционно-правовая основа равного доступа к знаниям в цифровую эпоху коренится в балансе между свободой информации, правом на образование и требованиями национальной безопасности, что особенно актуально в контексте развития критической информационной инфраструктуры образовательных учреждений. Стратегия национальной безопасности РФ 2021 года признает информационную безопасность стратегическим приоритетом, подчеркивая необходимость защиты цифровых образовательных платформ от киберугроз и обеспечения технологического суверенитета, что напрямую влияет на реализацию конституционного права граждан на равный доступ к знаниям независимо от географического положения, социального статуса или физических возможностей [5, с. 113].

Цифровизация не просто дополняет традиционные методы, но формирует новую экосистему, где интерактивные материалы, виртуальные лаборатории и адаптивные алгоритмы персонализируют обучение, повышая его эффективность и мотивацию учащихся. В этом контексте равный доступ к знаниям реализуется через массовые открытые онлайн-курсы, электронные библиотеки и гибридные форматы, разрушающие экономические и инфраструктурные барьеры, что соответствует принципам социальной солидарности как солидарности общества в обеспечении равных возможностей. Однако цифровизация выявляет риски цифрового неравенства, когда отсутствие стабильного интернета, а также цифровой грамотности усугубляют социальную сегментацию, требуя от государства мер по развитию инфраструктуры и подготовке кадров, с учетом того, что проблема цифрового разрыва выражается в неравном доступе к высокотехнологичному образованию, влияя на качество формируемых навыков и будущую конкурентоспособность личности на рынке труда [1; 9, с. 1381].

Важнейшим элементом обеспечения равного доступа к знаниям является формирование информационной культуры как особого личностного качества, позволяющего эффективно использовать технологии и противодействовать информационным угрозам, неправомерному контенту и манипуляциям вроде «фейковых новостей» [2, с. 96]. Право на образование неразрывно связано с правом на информационную безопасность, особенно для детей как наиболее уязвимой категории, где государственная политика должна быть жесткой, но корректной, консолидируя усилия государства, образовательных организаций и семьи в соответствии с нормами Федерального закона «Об образовании в

РФ», закрепившими право родителей на участие в выборе образовательных траекторий. Особое место занимают технологии искусственного интеллекта с потенциалом персонализации обучения, но и рисками алгоритмической дискриминации, воспроизводящей социальные предубеждения, применение которых должно базироваться на принципах прозрачности, ответственности и национального суверенитета в соответствии с Национальной стратегией развития ИИ до 2030 года, где выгоды от технологий распределяются справедливо, предотвращая маргинализацию. ИИ обладает потенциалом для персонализации обучения и оптимизации образовательных процессов, однако его внедрение несет в себе риски «алгоритмической дискриминации». Исследования показывают, что алгоритмы могут неявно воспроизводить существующие социальные предубеждения, ограничивая возможности определенных групп населения [1]. С конституционно-правовой точки зрения, применение ИИ в образовании и государственном управлении должно базироваться на принципах прозрачности, ответственности и национального суверенитета [3, с. 502].

Особый акцент в реализации конституционного права приходится на инклюзивное образование, где социальная солидарность выступает катализатором создания социокультурной среды, обеспечивающей интеграцию лиц с ограниченными возможностями здоровья. Концепция целостного подхода, провозглашенная в Декларации ООН о социальном развитии, подчеркивает толерантность, равенство возможностей и солидарность как основы инклюзии, где цифровые технологии играют ключевую роль в адаптации образовательной среды. Социокультурная среда инклюзии включает внешние факторы (государственная политика, региональные программы) и внутренние (психологический микроклимат, техническое оснащение), формируя модель, где информационные потоки, культурно-просветительская деятельность и социальные группы способствуют социализации данных лиц, а цифровые инструменты вроде синтезаторов речи, экранных дикторов и адаптивных интерфейсов обеспечивают безбарьерный доступ [6].

Правовые основы социальной солидарности эволюционируют в направлении конституционализации цифрового интеллекта (DQ) как компонента профессиональной компетентности педагогов и юристов, включающего эмоционально-когнитивные навыки и soft skills для адаптации к цифровой реальности [4, с.166].

Вызовы цифровизации, включая кибербезопасность и цифровое неравенство, требуют усиления роли государства в координации усилий церкви, семьи и общества на основе принципа солидарности. Рост киберпреступности диктует интеграцию уголовно-правовых мер с профилактикой, а подготовка поправок 2020 года заложила основу для диалога, где цифровые платформы интегрируют богословские дисциплины.

Социальная солидарность реализуется через триаду: технологический суверенитет, инклюзивная среда и цифровой интеллект, где государство стимулирует отечественные платформы, сертификацию и кадровую подготовку, интегрируя традиционные ценности. Это позволит преодолеть риски, превратив цифровизацию в инструмент равенства, укрепляя единство общества и обеспечивая каждому гражданину реализацию права на знания.

Социальная солидарность в сфере образования выступает стратегическим механизмом реализации конституционного права на равный доступ к знаниям, интегрируя цифровые технологии в единую систему с учетом традиционных ценностей и национального суверенитета. Преодоление вызовов цифровизации через развитие отечественных платформ, инклюзивной среды и цифрового интеллекта позволит укрепить единство общества, обеспечивая каждому гражданину равные возможности в информационной эпоху. Перспективы дальнейших исследований связаны с совершенствованием правового регулирования ИИ и кибербезопасности в образовательном пространстве.

Библиографический список

1. *Бурнашев, Р. Ф.* Философия информационного общества: проблемы социальной справедливости в эпоху цифровизации // Universum: общественные науки. 2024. № 1(104).

2. *Маркина, Е. В.* Информационная культура как основа совершенствования конституционно-правового механизма обеспечения информационной безопасности детей // Журнал правовых и экономических исследований. 2025. № 2. – С. 95–101.

3. *Маркина, Е. В.* Конституционно-правовые основы применения искусственного интеллекта в свете обеспечения национального суверенитета России // Наука и образование: сборник трудов участников XVIII Международной научной конференции (г. Белово, 21-22 ноября 2025 г.:). – Кемерово, 2026. – С. 500–502.

4. *Маркина, Е. В.* Концептуальные основы формирования универсального интеллекта как основы профессиональной компетентности современного юриста в сфере правового обеспечения деятельности органов публичной власти // Экономика, политика, право: актуальные вопросы, тенденции и перспективы развития: материалы XXII Международной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону, 2024. – С. 166 – 168.

5. *Маркина, Е. В., Вертий, Ю. М.* Информационная безопасность как стратегический национальный приоритет: конституционно-правовой каркас и практика реализации в Российской Федерации // International Law Journal. 2026. Т. 9. № 1. – С. 113-118.

6. *Мартынова, И. С.* Роль социокультурной среды инклюзии в современном образовательном учреждении // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 4.

7. *Осавелюк, А. М.* Нравственная основа прав человека в свете поправки в Конституцию России 2020 года // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 9(133). – С. 63–69.

8. *Осавелюк, А. М.* Подготовка конституционной поправки 2020 года о сохранении традиционных ценностей в России // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 6. – С. 81–84.

9. *Темирхажиев, М. И.* Влияние цифровизации на систему образования // Экономика и социум. 2024. № 1(116). – С. 1380–1383.

Bibliographic list

1. *Burnashev, R.* Philosophy of the information society: problems of social justice in the era of digitalization // Universum: social sciences. 2024. № 1(104).

2. *Markina, E.* Information culture as a basis for improving the constitutional and legal mechanism for ensuring children's information security // Journal of Legal and Economic Research. 2025. No. 2. pp. 95-101.

3. *Markina, E.* Constitutional and legal foundations of the use of artificial intelligence in the light of ensuring the national sovereignty of Russia // Science and education: proceedings of the participants of the XVIII International Scientific Conference (Belovo, November 21-22, 2025:). Kemerovo, 2026. pp. 500-502.

4. *Markina, E.* Conceptual foundations of the formation of universal intelligence as the basis of professional competence of a modern lawyer in the field of legal support for the activities of public authorities. // Economics, politics, law: current issues, trends and development prospects: proceedings of the XXII International Scientific and Practical Conference. – Rostov-on-Don, 2024. – pp. 166-168.

5. *Markina, E., Vertiy, Yu.* Information security as a strategic national priority: constitutional and legal framework and implementation practice in the Russian Federation // International Law Journal. 2026. Vol. 9. No. 1. – pp. 113-118.

6. *Martynova, I.* The role of the socio–cultural environment of inclusion in a modern educational institution // The world of science. Pedagogy and psychology. 2023. Vol. 11. No. 4.

7. *Osavelyuk, A.* The moral basis of human rights in the light of the amendment to the Constitution of Russia in 2020 // Bulletin of the O. Kutafin University (MGUA). 2025. № 9(133). – Pp. 63-69.

8. *Osavelyuk, A.* Preparation of the 2020 constitutional amendment on the preservation of traditional values in Russia // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. No. 6. pp. 81-84.

9. *Temirkhazhiev, M.* The impact of digitalization on the education system // Economics and society. 2024. № 1(116). – Pp. 1380-1383.

Магомедханова К. Ф.

О ПОНЯТИИ И СИСТЕМЕ ВОЕННОГО ПРАВА

Аннотация

Статья посвящена исследованию и анализу понятия и структуры военного права, изучаются особенности и методы регулирования в рамках военного права, комплекс приемов и способов воздействия юридических норм на общественные отношения в сфере обороны. Освещаются основные элементы системы военного права, её структура и основные институты, система источников.

Ключевые слова

Военное право, структура права, военное законодательство система военного права, правовые нормы, военная дисциплина, источники права, воинская дисциплина, военнослужащие.

Magomedkhanova K.

ON THE CONCEPT AND SYSTEM OF MILITARY LAW

Abstract

The article is devoted to the study and analysis of the concept and structure of military law, the features and methods of regulation within the framework of military law, and the complex of techniques and methods of influencing legal norms on social relations in the field of defense. The article highlights the main elements of the military law system, its structure and main institutions, and the system of sources.

Keywords

Military law, legal structure, military legislation, military law system, legal norms, military discipline, sources of law, military discipline, and military personnel.

Право является динамичной системой, отражающей быстрый темп развития и изменения общественной жизни. Усложнение общественных процессов, стремление к правовому регулированию и детализации существующих норм влечет трансформацию системы права, выражающуюся в переходе институтов в подотрасли, а подотрасли в новые отрасли права. Одной из таких новых отраслей является военное право

Совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие, изменяющиеся и прекращающиеся в сфере обороны и военной деятельности государства можно выделить в отдельную отрасль права – военное право. В его сферу регулирования можно отнести такие вопросы, как права и обязанности военнослужащих, порядок прохождения военной службы, организация оборонных мероприятий, правовой статус военных органов, а также регулирование ситуации военного положения.

К основным функциям военного права можно отнести: регулятивную, контрольную, охранительную. Некоторые правоведы выделяют оперативную и организационную функции. Они направлены на обеспечение правовой основы для формирования и функционирования вооруженных сил, защиты государства и его граждан, а также своевременного реагирования на угрозы национальной безопасности. Помимо этого, существующие нормы обеспечивают соблюдение дисциплины и порядка, обеспечение прав военнослужащих [9, с. 121]. Функции военного права играют важную роль для обеспечения безопасности государства, поддержания порядка внутри вооружённых сил, обеспечение статуса военнослужащих.

Методами регулирования в рамках военного права являются комплекс приемов и способов воздействия юридических норм на общественные отношения в сфере обороны. Основным методом является императивный— нормативное предписание, выраженное в федеральных законах и указах. Также используются методы регулирования посредством диспозитивных норм, которые позволяют участникам отношений проявлять инициативу в рамках правовых рамок, а также методы систематизации и комбинации правовых норм, с целью обеспечения интеграции военного законодательства с гражданским. Важным аспектом является использование международных правовых актов и договоров, регулирующих военную деятельность, что особенно актуально в условиях международного сотрудничества и участия России в коллективных системах безопасности, таких как ОДКБ и международные договоры с ООН.

Современная система военного права России построена на основе Конституции РФ, федеральных законов и подзаконных актов. Она включает в себя основные компоненты, регулирующие разные стороны военной деятельности. Важнейшими элементами системы являются следующие.

1. Конституция Российской Федерации (ст. 59, 71, 18, 2, ч. 2 ст. 4), которая закрепляет основы обороны и безопасности государства, определяет полномочия президента как Верховного Главнокомандующего, устанавливает принципы правового статуса граждан и обязанности их защищать Родину.

2. Федеральные законы, регулирующие ключевые аспекты военной деятельности. Например:

Федеральный закон «Об обороне» № 61-ФЗ от 31.05.1996, определяющий организацию обороны, полномочия государственных органов, права граждан [5];

Федеральный закон «О статусе военнослужащих» № 76-ФЗ от 27.05.1998, закрепляющий правовое положение и статус военнослужащих [3];

Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» № 53-ФЗ от 28.03.1998, регламентирующий порядок прохождения службы [4].

3. Подзаконные акты, такие как указы Президента РФ, постановления Правительства, уставы Вооруженных Сил, регулирующие повседневную деятельность и организацию военного управления.

4. Международные договоры, участием в которых обладает Россия, например, договоры о коллективной безопасности или сотрудничестве в области обороны, имеющие особое значение для регулирования международных аспектов военной деятельности.

Источниками российского военного права выступают нормативно-правовые акты, закрепленные в Конституции, федеральных законах и подзаконных актах. Основным источником является Конституция РФ, которая задает базовые принципы правового статуса граждан, полномочия высших государственных органов, а также закрепляет обязанность граждан защищать Родину (ст. 59). Конституция определяет статус Верховного Главнокомандующего и устанавливает приоритет федерального законодательства. На ее основе разрабатываются законы и подзаконные акты военного характера, регулирующие различные аспекты обороны.

Важными правовыми актами также являются: Федеральный закон «Об обороне», «О статусе военнослужащих», «О воинской обязанности и военной службе», «О военном положении» и прочие. Данные нормативно-правовые акты содержат нормы, регламентирующие такие вопросы, как прохождение военной службы порядок комплектования вооруженных сил, правила проведения и прохождения мобилизационной подготовки, ведение военно-учетной работы и т.д.

Помимо данных актов, в систему источников военного законодательства входят также международные договоры, регулирующие аспекты сотрудничества в области обороны, позволяющие сформировать правовую основу для взаимодействия в указанной сфере.

Подводя итог, можно сформулировать следующие положения. Для выделения подотрасли права в отдельную отрасль, необходимо выделить два критерия – это предмет и метод регулирования [8, с. 89]. Говоря о военном праве Российской Федерации, можно предположить, что оно выделились из административного права в самостоятельную отрасль, объединяющую нормативные акты, регулирующие все основные стороны обороны и военной деятельности. Предметом военного права можно выделить общественные отношения, складывающиеся в области военной деятельности государства.

Метод военного права – это совокупность приёмов и способов регулирования общественных отношений, составляющих предмет военного права. Особенность метода военного права выражается в его властно-обязывающем характере, обусловленном предметом данной отрасли права и связью с военной политикой государства, что позволяет определить метод военного права как императивный, с неким элементом диспозитивности.

Правовая основа включает императивные и диспозитивные нормы, а система охватывает конституционные положения, федеральные законы и международные договоры.

В систему источников военного права входят: Конституция РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, указы Президента, постановления Правительства, нормативно-правовые акты федеральных органов исполнительной власти, а также международные договоры. Данная система нормативно-правовых актов обеспечивает правовые и организационные основы для защиты государства, организации вооруженных сил и реализации национальной безопасности на современном этапе развития России.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации 1993 г. (в последней ред. Закона РФ о поправках к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ)» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

3. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» № 76-ФЗ от 27.05.1998 (в актуальной редакции).

4. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» № 53-ФЗ от 28.03.1998 (в актуальной редакции).

5. Федеральный закон «Об обороне» от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ (в актуальной редакции).

6. Федеральный закон «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» от 26.02.1997 № 31-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 9. Ст. 1014.

7. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» от 28.03.1998 № 53-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.

8. Алексеев С.С. Государство и право: учебник. – М.: Проспект, 2023. – 782 с.

9. *Ангаров, А. С.* Военная служба: история создания и развития // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2022. № 2. – С. 119 – 142.

10. *Артамонов, Н. В.* Правовой статус советских военнослужащих: дис. докт. юрид. наук. – М.: ВКИ, 1986. – 145 с..

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation of 1993 (as last amended The Law of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ)" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31. Art. 4398.

2. Criminal Code of the Russian Federation on June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.

3. Federal Law "On the status of military personnel" No. 76-FZ dated May 27, 1998 (in the current version).

4. Federal Law "On Military Duty and Military Service" No. 53-FZ dated March 28, 1998 (as amended).

5. Federal Law "On Defense" dated May 31, 1996 No. 61-FZ (as amended).

6. Federal Law No. 31-FZ "On Mobilization Training and Mobilization in the Russian Federation" dated February 26, 1997 (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1997. No. 9. Art. 1014.

7. Federal Law No. 53-FZ "On Military Duty and Military Service" dated March 28, 1998 (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 13. Art. 1475.

8. *Alekseev S.* The State and law: textbook. Moscow: Prospekt, 2023. 782 p

9. *Angarov A.* Military service: the history of creation and development // Bulletin of Novosibirsk State Pedagogical University. 2022. No. 2. pp. 119-142.

10. *Artamonov N.* The legal status of Soviet military personnel: dissertation. jurid. Sciences. Moscow: VKI, 1986, 145 p.

Габович А. А.

ВАРИАТИВНОСТЬ НАПРАВЛЕНИЙ РАБОТЫ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛИНИК КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ СТУДЕНТОВ – БУДУЩИХ ЮРИСТОВ (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ КЛИНИКИ РГЭУ (РИНХ))

Аннотация

В статье актуализирован современный подход к пониманию сущности и роли вузовских юридических клиник в процессе профессиональной подготовки студентов – будущих юристов, формированию их гражданской позиции. Рассматриваются практические примеры поступающих обращений и направления работы из опыта работы юридической клиники Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Приводятся выводы по совершенствованию деятельности вузовских юридических клиник.

Ключевые слова

Юридическая клиника, гражданская позиция, гражданская позиция студентов – будущих юристов.

Gabovich A.

VARIABILITY OF DIRECTIONS OF WORK OF LEGAL CLINICS AS A FACTOR OF FORMING A CIVIL POSITION OF STUDENTS – FUTURE LAWYERS (FROM THE EXPERIENCE OF THE LEGAL CLINIC OF RSUE)

Abstract

The article actualizes the modern approach to understanding the essence and role of university legal clinics in the process of professional training of students – future lawyers, the formation of their civil position. Practical examples of incoming appeals and areas of work from the experience of the law clinic of the Rostov State University of Economics (RINH) are considered. Conclusions on improving the activities of university law clinics are given.

Keywords

Law clinic, civic position, civic position of students – future lawyers.

Теория невозможна без практики, для освоения практических навыков у будущих юристов в РГЭУ (РИНХ) действует юридическая клиника (далее – юридическая клиника университета), являющаяся структурным подразделением университета и создает условия для первых шагов в профессию у студентов.

Юридическая клиника университета существует с 2014 года, с 2021 года руководителем является доцент кафедры конституционного и муниципального права, адвокат Антон Александрович Габович. В юридическую клинику уни-

верситета обращаются жители за защитой своих конституционных прав, в роли консультантов выступают студенты под наставничеством преподавателей.

Особенностью работы является то, что студенты оказывают юридическую помощь по «реальным» жизненным ситуациям, тем самым закрепляют полученные теоретические знания на практике. Высокий уровень организации работы и профессиональной подготовки будущих юристов подтверждается включением юридической клиники университета в Общероссийский список юридических клиник Министерства юстиции Российской Федерации с присвоением уникального учетного номера: 61/2.

По многочисленным отзывам самих студентов, именно их работа в юридической клинике повлияла на их выбор профессии. В ходе осуществления консультаций между студентами и преподавателями – кураторами устанавливается профессиональный диалог, в ходе которого формируется гражданская позиция студентов – будущих юристов, которая способствует освоению профессиональных компетенций в соответствии с ФГОС ВО [1].

Юридическая клиника университета за годы своего существования выработала ряд направлений своей работы, обуславливающих ее уникальность по сравнению с другими юридическими клиниками вузов России. Рассмотрим их более подробно.

Разработанный и применяемый в деятельности юридической клиники университета чек-лист обращения в юридическую клинику для студентов – будущих юристов является уникальной методической разработкой, повышающей качество оказания юридической помощи (табл. 1).

Таблица 1 – **Чек-лист обращения в юридическую клинику для студентов – будущих юристов**

Место для отметок о выполнении	**Наименование этапа**
Подготовительный этап	
	Возьмите с собой необходимые канцелярские предметы или приготовьте компьютерную технику, для того чтобы описать поступивший вопрос.
	Уточните у руководителя юридической клиники, кто из преподавателей – кураторов будет осуществлять контроль над проведением юридической консультации. До начала консультаций проведите встречу с преподавателем – куратором для определения порядка проведения консультации.
	Изучите необходимые нормативно – правовые документы и локальные документы, посвященные деятельности юридической клиники и порядку оказания правовой помощи.
Основной этап	
	В ходе первой встречи с клиентом представьтесь, проинформируйте о том, что правовая помощь в юридической клинике предоставляется бесплатно. Консультации оказывают студенты старших курсов под контролем преподавателей – кураторов. Спросите у клиента, его устраивают данные условия предоставления юридической помощи?

Место для отметок о выполнении	Наименование этапа
	Если клиент ответил: да, то попросите кратко описать суть вопроса, с которым клиент обратился за помощью в юридическую клинику. Если у клиента имеются с собой документы, касающиеся рассматриваемого вопроса, то попросите их представить для изучения. Если клиент ответил: нет вежливо объясните, что в таком случае клиент имеет право обратиться к другим участникам системы оказания бесплатной юридической помощи, и прекратите процесс оказания юридической помощи.
	После рассказа клиента о своем вопросе, изучении возможных документов клиента, обратитесь к преподавателю – куратору с предложением проекта ответа на вопрос клиента.
	Если преподаватель – куратор: одобрил ответ на вопрос клиента, то сообщите ответ клиенту. Если преподаватель – куратор: не одобрил ответ на вопрос клиента, то корректно объясните клиенту, что для подготовки ответа потребуется некоторое время. Сообщите клиенту дату и форму направления ответа (устно или письменно).
Заключительный этап	
	Проведите опрос клиента. Уточните обратную связь по получению правовой помощи. Узнайте, как бы клиент оценил процесс получения юридической помощи по шкале от 1 до 10, где от 1 до 5 – не удовлетворен, от 5 до 10 – удовлетворен.
	Если клиент: не удовлетворен, то вежливо поинтересуйтесь, что конкретно не понравилось в процессе оказания юридической помощи, информация поможет изменить в будущем порядок предоставления правовой помощи в юридической клинике. Если клиент: удовлетворен, то поблагодарите клиента за то, что он обратился за помощью в юридическую клинику.
	После окончания предоставления юридической помощи, соберитесь все вместе с другими студентами, которые оказывали юридическую помощь клиенту и преподаватели – кураторы для проведения рефлексии. Обсудите процесс оказания юридической помощи, с учетом поступившей обратной связи от клиента и преподавателей – кураторов.
	Составьте собственноручно написанный план по совершенствованию профессиональных компетенций студента – будущего юриста. Укажите в нем свои слабые и сильные стороны, проявленные в ходе проведения правовой консультации.
	К моменту проведения очередного оказания правовой помощи в юридической клинике проанализируйте составленный план по совершенствованию профессиональных компетенций студента – будущего юриста.

Направление реализации практической подготовки студентов. Студенты имеют право выбрать базой прохождения практики юридическую клинику университета, для этого они должны обучаться на старших курсах и не иметь

академических задолженностей. В ходе прохождения практики студенты участвуют в проведении правовых консультаций: принимают обращения от граждан как лично, так и поступающие по телефонной связи и электронной почте, занимаются поиском ответа на поставленную задачу и ведут профессиональный диалог с клиентами и преподавателями.

Проведение работы по профессиональной ориентации среди школьников. Так, с 2025 года на базе МБОУ школа 47 города Ростова-на-Дону действует профильный «юридический класс», в котором уроки проводят студенты – консультанты юридической клиники под наставничеством преподавателей. Тематика уроков посвящена роли профессии юриста в обществе, правозащитной деятельности, укреплению правопорядка и уважению к закону.

На регулярной основе студенты – консультанты юридической клиники проводят для школьников «Дни открытых дверей» на юридическом факультете. В формате «Равный – Равному» студенты рассказывают о жизни факультета школьникам города Ростова-на-Дону и Ростовской области, проводят экскурсии по кафедрам, аудиториям и юридической клинике. В юридической клинике для школьников устраивают презентацию деятельности, в ходе которой детям рассказывают о предназначении юридической клиники, обращениях граждан и положительно решенных вопросах, а также проектах, которые реализуются в юридической клинике.

На протяжении последних лет юридическая клиника университета участвует в проекте «Обучение служением», студенты выполняют социальные заказы партнеров университета. Так, в партнерстве с Ростовским отделением организации «Матери России» успешно реализуется проект по правовой поддержке участников и ветеранов СВО. В неделю рассматривается порядка 5 обращений на разную тематику, связанную с защитой прав военнослужащих.

Системно выстроено взаимодействие с Главным управлением министерства юстиции России по Ростовской области. Осуществляется обмен информацией и отчетными данными по количеству и случаям оказания бесплатной юридической помощи, передаются опросные листы по итогам оказания юридической помощи.

Юридические клиники отнесены к негосударственной системе оказания бесплатной юридической помощи, их статус и полномочия имеют нормативную основу, отраженную в специальном федеральном законе [2]. Однако есть и пробелы в законодательстве, например, требуются изменения в ФГОС ВО в части дополнения переченя материально-технического обеспечения необходимого для обучения студентов – будущих юристов обязательным наличием юридической клиники.

Одним из современных вызовов для российского юридического образования является низкий уровень практико-ориентированности в процессе профессиональной подготовки специалистов. Одним из возможных решений, направленных на повышение практической подготовки юридических кадров, может являться усиление роли вузовских юридических клиник как уникальной образовательной среды, в которой будущие специалисты учатся применять на практике теоретические нормы, а нуждающиеся в социальной поддержке граждане получают бесплатную правовую помощь.

Библиографический список

1. Приказ Минобрнауки России от 13.08.2020 № 1011 (ред. от 27.02.2023) «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция» (Зарегистрировано в Минюсте России 07.09.2020 № 59673).

2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ (в актуальной редакции) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6725.

Bibliographic list

1. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 08/13/2020 № 1011 (as amended on 02/27/2023) «On approval of the Federal State educational standard of higher education – Bachelor's degree in the field of law 40.03.01» (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on 09/07/2020 № 59673).

2. Federal Law No. 324-FZ dated 11/21/2011 (as amended) "On Free Legal aid in the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. No. 48. Art. 6725.

НАШИ АВТОРЫ

Берлявский Леонид Гарриевич – профессор кафедры конституционного и муниципального права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент;

Габович Антон Александрович – доцент кафедры конституционного и муниципального права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ);

Магомедханова Карина Фаидиновна – старший преподаватель кафедры финансового и административного права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ);

Маркина Елена Владимировна – доцент кафедры конституционного и муниципального права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), кандидат юридических наук;

Препелица Павел Петрович – доцент кафедры теории и истории государства и права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), кандидат политических наук.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК РГЭУ

16+

№ 1 (117), 2026

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
ПОЗДНЫШОВ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Регистрационный номер
ПИ № ФС77-76377 от 09.08.2019,
выдан Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс ПН781
в каталоге АО «Почта России»

Учредитель
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

Адрес редакции журнала
344002, Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 166, каб. 204.
Тел.: 264-09-35, 266-57-88, 265-73-76

Адрес издателя
Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ)
344002, Ростов-на-Дону, пер. Островского, 62, к. 107.
E-mail: ipkrinh@gmail.com

РЕДАКТИРОВАНИЕ, МАКЕТИРОВАНИЕ И ВЕРСТКА *ТЕРЕЩЕНКО Э. В.*

Изд. № 77/4892. Подписано в печать 30.04.2026. Дата выхода 24.06.2026.
Объем 2,4 уч.-изд. л., 5,5 усл. печ. л.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат 60×84/8. Гарнитура Century Schoolbook.
Заказ № 87. Тираж 1000 экз. Цена свободная.

Отпечатано
в типографии Издательско-полиграфического комплекса РГЭУ (РИНХ)
344002, Ростов-на-Дону, пер. Островского, 62, к. 107

SCIENTIFIC EDITION

LAW BULLETIN OF RSUE

16+

№ 1 (117), 2026

SCIENTIFICALLY-PRACTICAL JOURNAL

Editor-in-Chief
POZDNYSHOV ALEXEY

Registration number
ПИ № ФС77-76377 from 09.08.2019,
is granted by Federal service for control of communications, information technologies and mass communications (Roskomnadzor)

Subscription index ПН781
in catalog of JSC «Russian Post»

Founder
Federal state budgetary educational institution
of higher education
«Rostov State University of Economics»

Address of Editorial Board of Journal
344002, Rostov-on-Don, M. Gorkogo st., 166, r. 204.
Tel.: 264-09-35, 266-57-88, 265-73-76

Address of Publisher
Publishing and printing complex of RSUE (RINH).
344002, Rostov-on-Don, Ostrovsky Lane, 62, r. 107.
E-mail: ipkrinh@gmail.com

EDITING, LAYOUT BY *TERESHCHENKO E.*

Ed. № 77/4892. Signed in print 30.04.2026. Date of print 24.06.2026.
Volume of accounting and publishing sheets 2,4, conditionally printed sheets 5,5.
Offset paper. Digital printing. Format 60×84/8. Font Century Schoolbook.
Order № 87. Printing 1000 copies. Free price.

Printing by
Publishing and printing complex of RSUE (RINH).
344002, Rostov-on-Don, Ostrovsky Lane, 62, r. 107